

Яков Грот и финляндско-русское сближение

Яков Карлович Грот, петербургский лингвист и деятель культуры, известен в России прежде всего как создатель норм российской орфографии. В свое время он был известным академиком и зачинателем многих литературных дел. Обширная переписка Грота с ректором Петербургского университета, деятелем культуры и другом Пушкина Петром Плетневым опубликована на русском языке в трех томах и дает хорошее представление о событиях российской культуры того времени. Переписка (в двух томах) была опубликована и на шведском языке и отражает как ситуацию в Финляндии в середине столетия, так и отношение Грота к основным деятелям культуры Финляндии. В те времена он на протяжении двенадцати лет был профессором русской словесности, истории и статистики Императорского Александровского университета в Хельсинки (1840–1852). Тогда он прямо восхищался Финляндией и ее народом, изучал шведский язык и пытался приучить финнов изучать и любить русский язык и литературу. На этом пути его ждало разочарование.

Яков Карлович принадлежал к тем обрусевшим немецким родам, для которых Россия стала настоящей родиной. И в Финляндии на них смотрели, прежде всего, как на официальных представителей России, к ним относился и ставший в 1900-х гг. генерал-губернатором Франц Альберт Зейн, которого, как представителя российского великодержавного шовинизма, ненавидели, пожалуй, больше, чем Бобрикова. В любом случае, немецкое происхождение облегчало общение с финнами.

Для Грота его национальность не являлась каким-либо препятствием для сближения с Россией, с культурой которой он, как представляется, полностью себя идентифицировал. Тем более велико было его ошеломление, когда он заметил, что финны довольно единодушно воздерживаются от более близкого соприкосновения с русской культурой.

Вначале казалось, что все пойдет хорошо. Торжества по случаю 200-летия университета в 1840 г. были действительно апогеем финляндско-русского сближения. Императорский гимн исполнил по-шведски большой хор. Было произнесено немало застольных речей в честь императорской семьи. Превосходные торжества сопровождались залпами артиллерийских орудий императорской армии, которые задавали ритм поднятию бокалов. В группе проводивших промоцию почетных докторов присутствовали и русские, в том числе и друг Грота Плетнев; отсутствовал, правда, домаш-

ний учитель наследника престола выдающийся поэт В.А. Жуковский, который был также автором слов императорского гимна. Событие, которое, казалось, должно было окончательно запечатлеть финляндско-российскую дружбу, широко освещалось. О нем писали в редактировавшемся Плетневым, основанном во времена Пушкина знаменитом «Современнике». Совместными финляндско-российскими усилиями было подготовлено юбилейное издание, в котором Финляндии и ее литературе было посвящено много статей. Издание было встречено российской прессой со вниманием, особенно если помнить, что опубликованная в нем статья Рунеберга о «Макбете» Шекспира оказалась нокаутированной российским наставником радикализма Виссарионом Белинским, который, впрочем, отнесся ко всему изданию благодушно.

Исполняя профессорские обязанности в Гельсингфорсе, Грот мог наблюдать суровую действительность Финляндии. Маленький столичный город Гельсингфорс с его узким светским кругом не слишком интересовал академического труженика, который скорее принуждал себя из чувства долга принимать приглашения на приемы в дома светских красавиц Авроры Шернваль (Карамзиной) и Эмилии Мусиной-Пушкиной. Эти дамы были испорчены заискивающими перед ними кавалерами, но альтернатив в провинциальной Финляндии почти не было. Светская жизнь была для него пустой, но финляндско-российское сближение требовало жертв.

Напротив, Грот пришел в восхищение от общества великих национальных мужей Финляндии, с его одухотворенностью и подлинной интеллектуальной жизнью. Особенно по душе ему пришелся Лённрут, в обществе которого он путешествовал по Восточной Финляндии, даже учил финский язык. С Рунебергом отношения Грота были также довольно близкими, и он даже способствовал продвижению литературных увлечений того по т.н. петербургскому пути. Между прочим, появление в 1848 г. первой части «Фенрика»¹ стало возможным благодаря именно этому.

Университет в Финляндии оказался, однако, некомфортным местом. Грот еще раз смог убедиться, что его сторонятся. Очевидной причиной было то, что он был назначен на свою должность в результате неофициальной процедуры, не соответствовавшей местным традициям. Однако это была только часть правды. С сомнением

¹ Имеется в виду «Fänrik Ståls sägner» (финск. «Vänrikki Stoolin tarinat»). Открывавшее издание 1848 г. стихотворение «Maamme» («Vårt land») стало национальным гимном Финляндии.

относились к цели назначения Грота, склонны были видеть в нем своего рода агента иностранной державы с нечистыми намерениями. На самом деле основная идея Грота сводилась к тому, чтобы место шведского языка у финнов занял русский. Тогда также можно было бы возвысить статус финского языка до положения государственного языка Великого княжества, а необходимый для образованной части населения шведский постепенно был бы низведен до статуса языка меньшинства. Эта политика феннизации в университете и стала осуществляться, развитие преподавания финского языка шло параллельно и с такой же скоростью, как преподавание русского языка.

Финны из обеих языковых групп приходили в ужас от мысли о распространении русского языка. Говорившие и думавшие по-фински, правда, охотно встречали направленные на продвижение собственного языка меры, но их отношение к русскому языку оставалось очень сдержанным. Дело попытались продвинуть, предложив студентам стипендии для изучения языка в России. Стипендиаты все же появились, но притягательная сила этого института оставалась довольно ограниченной, и другие студенты относились к уезжавшим отрицательно. Известно бранное высказывание А. Альквиста в землячестве Саво-Карьяла в адрес тех, кто уезжал учить русский язык и брал русские «иудины сребреники». Пренебрежение русским языком во многом было понятно. *Lingua franca* того времени был французский. Русский в Великом княжестве в таком качестве не требовался. Видными местами работы, где дело обстояло иначе, являлись канцелярия генерал-губернатора и, разумеется, находившийся в Петербурге статс-секретариат по делам Великого княжества. Но финны, которые уезжали в Россию делать карьеру в российской армии, естественно, нуждались в хорошем владении русским языком.

В любом случае, Грот сделал много для русского языка. Он хорошо понимал значимость русского языка как средства художественного выражения и пытался в ходе преподавания заставить незаинтересованных молодых людей воодушевиться предметом, используя в качестве «морковки» интригующие и романтические повороты российской истории и литературы. Это не помогло, и тщетно трудившийся профессор попытался найти новое средство принуждения. Русский просто следовало учить. Теперь студенты оказались в положении, которому не позавидуешь, и они проявили свой характер. В окно Грота даже бросили камень, который, вероятно, предназначался голове хозяина. Несмотря на вознаграждение, виновный остался не найденным. Суровость никоим

образом не добавила студентам желания учиться. Помощник Грота в преподавании русского языка Степан Иванович Барановский следовал более мягкой линии и тем снискал негодование Грота. По его мнению, благодушный помощник саботировал дело русского языка в Финляндии.

Грот покидал Финляндию разочарованным. Его достижением осталась организация русской части университетской библиотеки. Благодаря праву получения обязательного экземпляра «Славянская библиотека» стала одним из лучших собраний книг на русском языке в мире.

После Грота его пост занял Матиас Акиандер, финн, изучавший русский язык на государственную стипендию. Вторую профессорскую должность продолжал занимать Степан Барановский. Интерес представляет тот факт, что оба, помимо Лённрота, присутствовали, когда в Гельсингфорсе в 1853 г. был основан «Комитет библиотеки трезвости», который был самой ранней организацией движения трезвости в Финляндии. Барановский и поныне остается в тени Грота. Последнего хорошо помнят, и хельсинкское *Pietari-seura* ежегодно дает премию имени Грота «энтузиастам» — личностям, которых считают способствующими сближению финляндской и российской культуры. Если Грота можно назвать «российским феннофилом», как это делал Валентин Кипарский, тот же самый эпитет можно с полным основанием применить и к Барановскому, который был столь же значительной, но ныне позабытой личностью.

Барановский был гениальным изобретателем. Он, между прочим, разработал макет самолета, который был способен летать. Изобретенный им действовавший на сжатом воздухе паровоз действительно применялся на Николаевской железной дороге¹. Кроме того, он разработал прототип подводной лодки, ему также принадлежат и другие изобретения в области техники. Здесь следует упомянуть, что его сын Владимир пошел по стопам отца и разработал тип скорострельной безоткатной пушки, которую сейчас можно видеть в Артиллерийском музее в Петербурге. Общественная деятельность его отца также была значительна. Помимо упоминавшегося общества трезвости он проявлял заботу об условиях содержания пленных, основал для девушек в Петербурге интернат и занимался проектированием строительства железной дороги в Среднюю Азию.

¹ Имеется в виду многоступенчатый компрессор в соединении с коллектором из труб — «духовик» (1860), впервые установленный на мотовозе конструкции того же Барановского («духовой самокат Барановского»), действовавший на Николаевской железной дороге в 1862 г.

Один из биографов Барановского констатировал, что причиной того, почему в настоящее время имя разносторонне одаренного и даже гениального Барановского было известно не широко, скорее всего, явилось то, что он расплыл свой творческий гений и свою активность по очень многим сферам. Во всяком случае, с нашей точки зрения важно то, что Степан Иванович Барановский также был другом Финляндии. По его инициативе обязательное изучение русского языка, существовавшее некоторое время, было отменено и восстановлено только во времена Бобрикова. Он также подготовил очень симпатичный очерк о Великом княжестве для второго тома 19-томной «Живописной России» под редакцией П.П. Семенова¹. В 2000-х гг. он был опубликован на финском языке.

Можно утверждать, что Грот с тем же успехом, что и Барановский, мог учить русскому финнов. Несомненно, задача была почти что безнадежная. Тот большой страх, который сидел в голове у финнов и который удивлял Грота, был, пожалуй, прежде всего, инстинктивным страхом представителей малого народа. Тот, кто спит рядом со слоном, вынужден все время быть начеку и реагировать каждый раз, когда слон переворачивается на бок — вне зависимости от того, является ли данный слон существом симпатичным или нет. У немца в национальной памяти такого ощущения, исходящего из сознания собственной малости, не было, и Грот также должен был русифицироваться, сделав что-то необычайное.

«Ложный» патриотизм Й.Л. Рунеберга

Во время войны рассказывали анекдот, содержание которого сводилось к тому, что русские бомбили Порвоо потому, что там проживал большой фашистский подстрекатель Рунеберг.

Как и многие другие анекдоты, он не соответствовал действительности, но все же был неплохо придуман и говорил о многом. Рунеберг действительно стал в конце периода автономии Финляндии «неправильным», т. е. антирусским или, по меньшей мере, не отличающимся русскостью, центральным символом патриотизма.

¹ Фактически для этого тома Барановский написал 5 небольших отдельных очерков: «Исторические судьбы Финляндии и ее отношения к Швеции и России», «Природа Финляндии, ее граниты и озера», «Промышленность Финляндии», «Города Финляндии», «Полярная Финляндия» (автор очерка «Финское племя» неизвестен).